

связи на подходящих примерах рассматриваются лирика и стиль Гете.

Одиннадцатый класс:

По-новому развиваются темы двух предшествующих классов. Ставится задача проследить, как в немецкой духовной жизни Нового времени навстречу друг другу устремляются пластически-живописные и музыкально-поэтические импульсы. В этой связи характеризуется на примерах внутренний путь развития музыки — как определяющее явление в духовной жизни Нового времени.

Двенадцатый класс:

Знакомство с технологией строительства и ее развитием должно способствовать пониманию элементов строительного искусства в их великих культурно-исторических формах и стилях. Также — обзор всей истории искусства, в котором проводится классификация искусств и рассматривается их поэтапное развитие от «символического» через «классическое» к «романтическому».

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Первые указания, данные Рудольфом Штейнером в отношении преподавания иностранных языков, содержатся во 2-й лекции «Методико-дидактического курса» от августа-сентября 1919 года. В ней он характеризует язык как живое взаимодействие симпатии и антипатии и прослеживает этот процесс вплоть до элементов языка, до взаимодействия гласных и согласных звуков. В нескольких предложениях он наметил здесь основы новой **лингвистики значения**, рассматривающей язык как деятельность, с помощью которой человек устанавливает связь с космосом. В так называемом «Языковом курсе» от декабря 1919 этот духовно-научный взгляд на язык разрабатывается дальше. Он лежит в основе преподавания языков в вальдорфской школе.

Что касается **методики** преподавания иностранных языков, то о ней Рудольф Штейнер подробно говорит в 9-й лекции «Методико-дидактического курса», где уделяет особое внимание тому, что в новой школе учителям приходится иметь дело с детьми, изучавшими языки совершенно по-разному и достигшими совершенно различных уровней знания; а некоторые вообще иностранных языков до того не учили. В этой лекции Штейнер дал наиболее важные указания и определил учебные цели преподавания древних и новых иностранных языков. Несмотря на многочисленные жалобы учителей, которые были вызваны тем, что учителя подчас не достигали поставленных целей, он оставался верен ранее сформулированным основным требованиям и соблюдение их считал необходимым условием успеха в преподавании языков. Серьезные огорчения доставляло ему то, что из-за интенсивного притока новых учащихся во всех классах, в том числе и в старших, постоянно оказывались дети, которые не прошли через основанное на устной речи преподавание иностранного языка и неизбежно тормозили учебный процесс. Связанные с этим вопросы постоянно поднимались на конференциях. Никакому другому предмету, пожалуй, там не уделяется столько внимания, сколько языкам.

В *Лекциях по учебному плану* не дается указаний в отношении преподавания иностранных языков по отдельным классам. Многое можно найти, как уже было сказано, в материалах конференций,

а также в прочитанных Рудольфом Штейнером за границей педагогических курсах.

В нашем рассмотрении учебного плана по иностранным языкам сначала будут даны указания Рудольфа Штейнера, относящиеся ко всем вообще классам, затем — для каждого класса в отдельности. Наконец будет приведен утвержденный на конференции 2 июня 1924 года окончательный учебный план. Указания, относящиеся к древним языкам, даны в особом разделе.

В начале следовало бы рассмотреть *9-ю лекцию «Методико-дидактического курса»*. Ее следовало бы поместить здесь целиком, так как в ней содержится все принципиально существенное. Однако она уже лежит на письменном столе каждого учителя вальдорфской школы. Я приведу из нее лишь одно место, поскольку требование, там выдвигаемое, обычно воспринимается как наиболее трудно осуществимое в методике Штейнера:

«Вы многое достигнете, если поразмыслите над тем фактом, что в преподавании иностранных языков **наибольшие затруднения вызывает перевод с иностранного языка, а также перевод с родного языка на иностранный**. Следовало бы больше читать и больше выражать собственные мысли на иностранном языке». *Метод.-дидакт., 9-я лекция*

На одной из конференций, которые Штейнер проводил с первым составом учителей, в связи с данными им только что в курсе лекций указаниями был поставлен вопрос: верно ли, что даже в тех классах, в которых дети уже умеют писать на родном языке, при преподавании иностранных языков нужно поначалу воздерживаться от письма, пока дети не освоются с устной речью? Ответ Штейнера был краток:

«Да, как можно позже переходить к письму на иностранном языке — это крайне важно». 25.9.19

Существенные указания о роли языка в жизни ребенка содержатся в *Базельском курсе 1920 года*:

«Собственно говоря, тайна становления языка в существе своем

скрыта от современного естественнонаучного образа мышления, от всей современной науки. Неизвестно, что точно так же как первые зубы появляются у человека как своего рода наследование от родителей, речь приобретается им через своего рода влияние окружения, через подражание, которое, однако, является органическим. Речи учатся из окружения. Но этот язык, которому человек научается, на котором он все еще разговаривает в 4-6-летнем возрасте, стоит в таком же отношении ко всему человеку, как и молочные зубы. Та же речь, которой человек обладает после достижения возраста половой зрелости, 14-15 лет, то, что в нем действует, когда он говорит, — усвоено им во второй раз, приобретено заново, выработано самим человеком, подобно тому как во второй раз он выработал себе вторые зубы. У мальчиков это проявляется и внешне, в мутации голоса, в женском развитии это отступает более во внутреннюю жизнь, но также присутствует. То, что данные силы у мальчиков иначе задействованы в гортани, оказывается и внешне. Это откровение того, как в человеке — не просто в теле и не просто в душе, но в душевно-телесном, в телесно-душевном, — в эти важные школьные годы, из года в год, из месяца в месяц совершаются процессы, связанные с внутренним овладением тем, что как речь было усвоено внешне, из окружения, уже в раннем детстве». *Базель, 1920, 1-я лекция*

Данный фрагмент представляет собой начало чрезвычайно важного рассмотрения, с которым следовало бы ознакомиться полностью, ибо отрывочное изложение никогда не может вполне заменить того, что дает полный текст.

На конференции 12 июня 1920 года, Рудольф Штейнер сказал:

«Чем раньше начинать — тем легче учатся языки и тем лучше и чище произношение. Способность к усвоению языков по мере взросления, начиная с 7 лет, уменьшается. Произносить хором — очень хорошо, ведь язык по своей природе социален. Хором всегда легче говорить, чем в одиночку». 12.6.20

Однако шесть недель спустя он сообщил:

«Преподавая иностранные языки, следует учитывать колоссальную разницу между произнесением хором и поодиночке. Хором

дети произносят очень гладко, а поодиночке не могут. Вопрос в том, как этим воспользоваться. Нужно сразу же после того, как что-то было произнесено хором, повторить это поодиночке. Так должно быть построено обучение». 24.7.20

На одно замечание по поводу отношения учащихся к урокам иностранного языка Рудольф Штейнер ответил:

«Строить обучение в основном на чтении. Большое подспорье — осваивать связный текст. Выучивание наизусть — лишь вспомогательное средство. Переходить от предложения к предложению. С маленькими — постоянно разговаривать». 26.5.21

В Дорнахском рождественском курсе в 1921/22 году имеется следующее замечание, посвященное преподаванию иностранных языков:

«Дальнейшее дообеденное время посвящено свободным (регулярным) занятиям. Особенno большое значение имеют здесь иностранные языки. Поскольку они должны быть практически усвоены в период детства, ими занимаются, начиная с 6-7-летнего возраста, так, чтобы ребенок действительно мог вжиться в иностранный язык, то есть избегая обучения посредством объяснений на родном языке.

Поскольку дети, с которыми приходится иметь дело, старше, чем они были тогда, когда выучили свой родной язык, преподавание иностранного языка, разумеется, должно быть поставлено несколько по-иному. Нужно делать поправку на возраст. Однако дети должны слиться с иностранным языком настолько, чтобы не переводить про себя с родного языка то, что им предстоит сказать на иностранном языке. Принцип перевода следует исключить. Язык преподается ребенку в непосредственном применении к ситуации, и ребенок сначала учится говорить, а потом уже переводить,— если последнее вообще нужно. Совершенно очевидно, что благодаря отсутствию обычной грамматики и пр. дети чрезвычайно живо воспринимают язык». Дорнах, 1921/22

После утверждения учебного плана для 11-го класса Рудольф Штейнер по собственной инициативе заговорил о преподавании иностранных языков:

«Важно, чтобы языки преподавались в диалогической форме. Д-р Швебиш всякий раз уверял малышей в 1-м классе, что он совершенно не понимает по-немецки. Вы можете использовать чтение, однако чтение должно вплетаться в остальное. Не просто говорить самим, но давать как можно больше говорить детям... На это дети не всегда бывают способны; следует заботиться о том... чтобы они заговорили. Детям следует давать возможность высказаться о прочитанном. Это прежде всего важно для старших классов, в которых преподавание иностранного языка все еще отстает. Вообще в младших классах с языками значительно лучше. Вообще в младших классах легче». 21.6.22

Сделав ряд замечаний о чтении на иностранных языках, Штейнер продолжал:

«Основные принципы уже развились в систему. Все, что дает о себе знать как неединое в методе, — есть неряшество. Неряшество начинается там, где **предпочтение отдается наиболее легкому пути**. Важно, чтобы мы давали себе отчет в следующем: когда дети говорят хором, это может звучать замечательно, однако это не значит, что каждый из них этим овладел, ибо здесь действует дух группы... Преподавать предметно, чтобы слово всегда непосредственно связывалось с предметом... Чтобы некоторые обороты стали стереотипами, неплохо учить наизусть стихотворения. Когда в запасе имеются два, три, четыре таких стихотворения, можно к ним возвращаться вновь и вновь, чтобы уделить внимание тому или иному моменту в произношении. Обо всем этом уже говорилось. Выучивание стихотворений наизусть привело к своего рода неряшеству. Причина здесь, во-первых, в том, что языки на самом деле стоят у нас на втором плане, ими занимаются лишь постольку поскольку. К этому времени учителя уже устают. Другая же причина заключается в том, что как раз поэтому многие стараются обойтись вообще без подготовки. Готовятся к другим предметам. Вообще-то хорошо, когда можно опереться на стереотип. Однако я вынужден это осудить. Подготовка пока не может достичь необходимого уровня. Прежде всего мы должны разработать то, что в нашей методике плодотворно. Иначе в работе с языками мы постепенно придем к тому, что наше недостигнутое лучшее будет намного хуже достигнутого наполовину просто хорошего. Очень легко может оказаться, что, делая свое лучшее кое-как, мы не в

состоянии будем выдержать конкуренцию с другими школами».

В заключение Штейнер сказал:

«Мне совершенно ясно, что при разумной постановке дела в рамках чистого учебного времени можно достичь идеала — освободить детей от утомительных домашних заданий. Однако для этого наше преподавание пока недостаточно интересно. Некоторые вещи пока вообще не воплощены в практику. Поэтому я полагаю, что следовало бы все же ввести модифицированные домашние задания». 21.6.22

Этот вывод о необходимости введения «модифицированных домашних заданий», сделанный Штейнером в связи с недостатками в преподавании языка, был им тогда же распространен на все предметы. Однако не следует забывать, что причиной этой уступки была несостоятельность. Таким образом, на «введении модифицированных домашних заданий» учителю не следует успокаиваться, но надо это рассматривать как предостережение: учитель пока не достиг того, чего ребенок от него ожидает.

На следующий день Штейнер обратился к образной стороне языка:

«Хорошо когда аналитическое вновь преобразуется в образное. При всех обстоятельствах следует стремиться к образу. Путем анализа следует идти к образу. Слишком часто гимназист, прослушавший курс, когда слышит слово «homo», думает — Mensch (человек). Собственно говоря, это чепуха. Здесь не хватает образа: **Mensch — это душа в цепи поколений, homo — это возникающий в физическом мире человеческий облик**. Так что можно было бы сказать: Mensch воплощается в homo. Это все равно, что Адам. Если отсутствуют образы — насколько это обедняет душу! К этому, полагаю я, следовало бы стремиться и в латыни». 22.6.22

Далее было приведено несколько примеров из венгерского языка, в заключение Рудольф Штейнер заметил:

«Ни часа в жизни ребенка не должно проходить без переживания какого-либо образа».

В тот же день Штейнер прочел последнюю лекцию своего столь краткого курса «Вопросы воспитания в возрасте полового созревания» (1922), в которой он вновь затронул проблему образов в преподавании языка. Однако это место столь тесно увязано со всей лекцией, что его невозможно выделить без вреда для хода рассуждения. Поэтому я вынужден ограничиться рекомендацией читателю изучить эту лекцию. *Штутгарт, 1922, 2-я лекция*

Необходимостью дать детям в старших классах возможность выбора между английским и греческим языками обусловлено следующее высказывание Рудольфа Штейнера:

«Насчет преподавания новых иностранных языков: если методы будут одинаковыми, в ребенке произойдет компенсация, ибо то, что французский в голове умертвляет, английский оживляет в системе обмена веществ. Но здесь возникает вот какая трудность (она пришла мне сейчас на ум): ведь у некоторых учащихся английский отменяется. В социальном отношении это совершенно ненормально, такого просто не должно было бы быть. Но тут уж ничего не поделаешь. Мы не можем оставить и английский и древние языки. Однако именно на данном этапе их развития оба языка — английский и французский — являются в высшей степени компенсирующими друг друга. Французский язык, например, идет к тому, чтобы сделать немыми все s. В английском же множество суффиксов мешают тому, чтобы появилось это глухое s. Полная компенсация возможна в особенности в возрасте между 9 и 10 годами, если применяются одинаковые методы. Прежде этого возраста было бы хорошо, если бы французский, с точки зрения грамматической, давался в возможно малых дозах и как можно позже. В английском хорошо, чтобы на 11-12-м году внимание учащегося постоянно обращалось на что-либо теоретическое, что-либо из грамматики и синтаксиса». 5.12.22

Когда был задан вопрос, не следует ли приступая к изучению языка, исходить из глагола, Штейнер ответил:

«Совершенно правильно — начинать с глагола! В предлоге очень много живости. Начинать с существительного — неверный метод». 9.12.22

Приведем некоторые из чрезвычайно важных указаний Рудольфа Штейнера по поводу школьной гигиены от 6 февраля 1923 года. Они уже цитировались выше, в главе «Немецкий (родной) язык», в разделе «Речь и грамматика».

«Вы можете причинить ущерб здоровой конституции ребенка, если в течение целого часа будете с ним заниматься тем, что обычно называют грамматикой. Заставьте детей заниматься распознаванием всего того, что называют подлежащим, дополнением, определением, индикативом, конъюнктивом и т.д., то есть всеми теми вещами, которые их интересуют лишь отчасти — и вы доведете их до такого состояния, что, когда ребенок вынужден будет определять, индикатив это или конъюнктив, тогда, без участия души, весь завтрак будет у него в организме сожжен. Этим мы подготавливаем серьезные пищеварительные расстройства у ребенка, такие, как болезни кишечника, которые проявятся, быть может, через 15-20 лет. Болезни кишечника очень часто являются следствием занятий грамматикой».

Еще одна цитата из той же лекции:

«Мне совершенно непонятно, как дети вообще могут сохранять спокойствие, когда с ними говорят о наречии и конъюнктиве, потому что на самом деле это не может интересовать нормального ребенка. По-видимому, причина в том, что дети сохраняют дисциплину из любви к учителю... Я недавно был в одном классе, и речь там шла о презенсе и имперфекте. Да как детям к этому подступиться — это же сплошная латынь!.. Я не хочу сказать, что термины следует упразднить, но все же преподавать надо так, чтобы дети могли что-то понять. Мне кажется, дело прежде всего в том, что сами учителя не знают грамматики, не несут в себе живой грамматики... Я нахожу ужасающим то, как употребляется грамматическая терминология. Да я бы сам разбушевался, не в состоянии взять в толк, чего ради мне забивают голову всеми этими вещами. Время используется неудовлетворительно, учителя должны сами понять, как можно разумно овладеть грамматикой. Это стимулирующим образом подействует на детей. Преподавание грамматики — это нечто ужасающее. Все эти вздорные книги по грамматике следовало бы сжечь. Необходимо, чтобы заявила о себе жизнь... учащиеся не чувствуют, что такое перфект, что такое презенс, а чувствую-

вать они это должны. В учителе должен жить гений языка. Что до родного языка, это именно так» 6.2.23

Для понимания позиции Рудольфа Штейнера в отношении преподавания иностранных языков важен его ответ на **вопрос проф. Каруца относительно упразднения преподавания французского языка** в вальдорфской школе. С ним можно ознакомиться в материалах конференций. 14.2.23

Для родного языка Рудольф Штейнер в своих Лекциях по учебному плану от 1919 года наметил **ступени преподавания грамматики**; они приводятся в главе **Немецкий язык**. Один учитель спросил, существуют ли подобные ступени для иностранных языков. На это Штейнер ответил так:

«То, что я дал тогда, отвечает требованиям каждого возраста. Определенные нюансы душевной конституции соответствуют определенному возрасту ребенка. При занятиях родным языком легче использовать эти нюансы. Разумеется, очень хорошо учить ребенка одновременно одним и тем же вещам на родном языке и на занятиях другими языками; например, для того, чтобы показать, как аналогичные душевые движения выражаются в других языках. Сравнения вообще очень полезны. Ведь грамматика вообще начинается с 9-10-го года — не так ли? До этого обучения остается разговорным и опирается на чувство языка, так что ребенок учится говорить, как чувствует. Между 9-м и 10-м годами (но это, конечно, не однозначно, все очень подвижно) приступают к грамматике, занятия которой связаны с развитием я. Грамматический подход к языку имеет отношение к развитию я. Но это не в том смысле, чтобы можно было поставить вопрос: а как именно с помощью грамматики можно развивать я? Это делается самой грамматикой. Нет никакой необходимости вводить какие-то особые упражнения. Переход к грамматике не должен происходить раньше времени, следует постараться развить грамматику из субстанции самого языка». 19.6.24

Несколько с другой стороны Штейнер подходит к проблеме преподавания языка в Курсе Торки от 1924 года. Мы бы рекомендовали для изучения всю лекцию целиком, однако несколько фраз оттуда воспроизведем здесь:

«В обучении языкам чрезвычайно важно принимать во внимание этап от 9-го до 10-го года. Пока ребенок не достиг этого возраста, ни при каких обстоятельствах и речи не может быть о каком-либо интеллектуальном рассмотрении языка, — никакой грамматики, никакого синтаксиса или чего-то подобного. До этого возраста, до 9-10 лет, язык должен усваиваться ребенком так, как приобретаются им привычки. Он должен приобретать язык, как привычку. Лишь после того, как ребенок научился отделять себя от окружающего, может стать объектом рассмотрения то, что он делает, в том числе и речь. Только тогда, не раньше, можно говорить о подлежащем, определении, глаголе и пр. До этого времени ребенок должен просто говорить и пребывать в своей речи. Мы в нашей вальдорфской школе имеем возможность это осуществить, потому что сразу же, как только ребенок приходит к нам в начальную школу, он помимо своего родного языка учит два иностранных. В первые утренние часы проводится главный урок, а вслед за ним у младших детей следуют уроки английского и французского. Мы стараемся преподавать языки так, чтобы в поле зрения ребенка совершенно не попадало отношение одного языка к другим. До 9-10 лет, мы совершенно не выявляем для детей, что, например, то, что по-немецки называется «Tisch», по-английски называется «table», а то, что по-немецки значит «essen», по-английски значит «eat». Мы устанавливаем соответствие слов одного языка не со словами другого языка, а непосредственно с вещами. Ребенок учится называть — по-английски или по-французски — пол, лампу, стул. Таким образом, пока ему 7—8—9 лет, он не придает никакого значения переводу слов одного языка на другой язык, а просто говорит на иностранном языке, опираясь на окружающие предметы, и ему нет нужды знать, что, когда он по-английски говорит «table», по-немецки то же самое значит «Tisch» и т.д. Для ребенка этого просто не существует, на уроке об этом вообще не заходит речь — до такой степени здесь отсутствует сопоставление языков или что-либо подобное. Так ребенок учится языку, оставаясь в том элементе, из которого все языки происходят, — в элементе чувства» *Торки, 1924, 6-я лекция*

Далее там же еще много говорится о происхождении языка из жизни чувства, о протоязыке, о сопоставлении языков и ограниченных, однако для определенного времени важных воспитательных задачах языка, о значении преподавания грамматики.

В том же самом курсе Рудольф Штейнер дал следующий ответ на вопрос о том, какие иностранные языки изучаются детьми в немецкой вальдорфской школе:

«Мы ввели в вальдорфской школе французский и английский. Французский на том основании, что с его помощью возможно внутренне научиться многому такому, чему не научишься, занимаясь другими языками, — это своего рода риторическое чувство, а ведь очень хорошо, когда оно есть. Английский же — на том основании, что это мировой язык, и он будет им становиться вовсе большей мере». *Торки, Ответы на вопросы, 20.8.24*

Еще раз напомним, что читателю данной книги, знакомящемуся с разъяснениями и указаниями, выделенными из материалов конференций и лекций, следовало бы самостоятельно обращаться к источникам и в каждом случае выяснить, что окружает приведенные фрагменты, что составляет их, так сказать, душевный ландшафт. Я хотел бы в особенности подчеркнуть это здесь потому, что необходимое учителю иностранного языка адекватное представление о существе языка и его преподавании можно приобрести, только изучая весь материал, живой, меняющийся от конференции к конференции, от лекции к лекции.

Возможно, порядок цитат мог бы быть и другим. Мне же, когда я много раз обдумывал этот вопрос, всегда казалось самым правильным поместить материалы в этой книге в той же последовательности, в какой давал их Штейнер. Таким образом можно проследить внутреннюю логику возникновения нового знания из вопроса (иногда так и оставшегося в подсознании), в котором отразилась ограниченность предшествующего знания. Хотя не всегда видно, как проделан путь от одного знания к другому, но тем более важно почувствовать закономерность шагов познания. Конкретный опыт с произнесением хором сначала убедил в полезности этого метода, а затем позволил обнаружить связанную с ним иллюзию.

Ниже даны указания по отдельным классам и окончательный учебный план по новым языкам от 2 июня 1924 года.

АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ

Классы с 1-го по 5-й — 3 часа в неделю на каждый язык

Классы с 6-го по 8-й — 2 часа в неделю на каждый язык

Классы с 9-го по 12-й — 3 часа в неделю на каждый язык

По 1-му классу:

На вопрос, не слишком ли велика нагрузка у детей 1-го класса из-за преподавания иностранного языка, Рудольф Штейнер ответил:

«Если будет замечено, что дети утомлены, то лучше в первых двух классах просто отменить эти уроки, а не заменять их чем-либо другим. Вообще говоря, я скорее за то, чтобы уроки у малышей продолжались только два часа в день». 2.6.24

Разумеется, это не должно означать, что преподавание иностранных языков в первых двух классах может быть совсем упразднено. Оно должно быть в плане, но его следует отменять, когда у детей замечаются признаки повышенной усталости.

По 3-му классу:

На вопрос, следует ли в 3-м классе писать на иностранных языках, Штейнер ответил:

«Можно начать писать короткие и легкие предложения, в которых выражена одна простая мысль». 26.5.21

Из учебного плана от 2 июня 1924 года

С 1-го по 3-й класс:

«Уже в 1-м классе детям преподаются иностранные языки, и вплоть до окончания 3-го класса дети обучаются им в разговорной форме. При этом мы избегаем давать немецкий перевод: слово или выражение, которое ребенок должен освоить, он ассоциирует непосредственно с предметом. Следует не соотносить иноязычное слово с немецким, но оставаться непосредственно в рамках ситу-

ации и в пределах иностранного языка. Этого нужно придерживаться в особенности до окончания 3-го класса и даже не упоминать о том, что существует грамматика.

Когда мы даем детям большой текст, не следует волноваться, если ребенок усваивает строфу или стихотворение лишь с фонетической стороны, а содержание понимает лишь отчасти. Возможно даже, что ребенок усвоит четыре, шесть, восемь строк, которые он воспринимает как набор звуков. Подчас продвижению в языке может чрезвычайно способствовать то, что ребенок, обращаясь к собственной памяти, приходит к осознанию материала, усвоенного им сначала как чистое звукосочетание.

В первые три года обучения поэтическое следует решительно предпочитать прозаическому.

Вполне понятно, что в эти три года характер преподавания остается неизменным». 2.6.24

Из учебного плана от 2 июня 1924 года

4-й класс:

«Не надо больше избегать грамматики, но не вызубривать сразу правила, а, приводя примеры из уже известных ребенку текстов, выводить правила чисто индуктивно. Однако, когда они будут сформулированы, следует настоять на том, чтобы ребенок их запомнил и воспринимал как правила. Знание правил способствует развитию я между 9-м и 10-м годами жизни.

Здесь происходит переход к прозе, которая до окончания 3-го класса сводилась к минимуму. В 4-м классе нужен уже материал, на котором можно изучать грамматику. Для этого подходит именно проза. В поэзию будет привнесено слишком много педантизма, если из нее извлекать грамматические правила. А с прозаическими текстами такое обращение допустимо. **Можно постепенно приступать к переводу.**

Разумеется, уже и до этого делалось что-то подобное. Постоянно случаются лексикографические рецидивы, когда связь устанавливается не между вещью и иноязычным словом, а между немецкими и иноязычными словами. Учителю так удобнее, а в результате обучение ведется путем сопоставления языков, и чувство языка остается неразвитым. Теперь, на 4-м году обучения, должен начаться собственно перевод.

В 4-м классе мы ограничимся морфологией». 2.6.24

По 6-му классу:

На вопрос, хорошо ли пользоваться в 6-м классе каким-либо печатным материалом, Рудольф Штейнер ответил:

«Следовало бы выбрать сравнительно большой рассказ, новеллу, что-то такое, в чем чувствуется глубина, не поверхностное. Можно было бы, например, прочитать исторический отрывок из Минье. На этом они очень многому научатся». 26.5.21

Из учебного плана от 2 июня 1924 года

5-й и 6-й классы:

«В 5-м классе мы перейдем к синтаксису; в 6-м будем продолжать синтаксис дальше — **усложненный синтаксис**. Разумеется, параллельно с этим все время будем заниматься **чтением**.

Однако **переводами с немецкого языка на иностранный**, собственно говоря, заниматься не следует. Следует писать **короткие сочинения** и тому подобное.

Переводы должны выполняться лишь в такой мере: учитель, что-нибудь говоря по-немецки, просит детей выразить то же самое на иностранном языке. Пусть сказанное по-немецки дети повторяют на иностранном языке. Таким образом переводом нужно заниматься до конца 6-го класса. Во всяком случае следует избегать непосредственного перевода с немецкого на иностранный более длинных отрывков.

Следует много читать, пусть это будут юмористические рассказы. Можно забавно обсуждать то, что касается нравов, обычаяв и характера народа, чей язык дети изучают. В 5-м и 6-м классах, также в юмористическом ключе, следует заниматься **страноведением и этнографией**.

Начиная с 5-го класса, нужно упражняться в **различных способах выражения**.

Также начиная с 5-го класса, следует уделять внимание поговоркам и оборотам речи. Если в каком-то случае можно употребить немецкую поговорку, дети знакомятся с соответствующей поговоркой на иностранном языке». 2.6.24

По 7-му классу:

На вопрос, что лучше читать по-английски в 7-м классе, Рудольф Штейнер ответил:

«Хорошо бы читать с детьми «Рождественские повести» Диккенса. Это чрезвычайно полезно, когда у каждого ребенка есть книга, а учитель, не прибегая к принуждению, вызывает детей и предлагает им читать в присутствии других, чтобы они вместе читали и думали». 23.3.21

О том, что читать по-французски в 7-м классе, Штейнер ответил:

«Читать басни. Лафонтена». 17.6.21

Учитель, которому были для 7-го класса рекомендованы «Рождественские повести», нашел их чрезмерно трудными и спросил, не следует ли обратиться к учебнику. На это Штейнер ответил:

«Я ничего не имею против того, чтобы ввести учебник. Но все учебники очень плохи. Класс не имеет общей книги, которая объединяла бы его. Выберите учебник и покажите мне его, когда я вернусь. Что касается Диккенса, то я не могу с вами согласиться. В 7-м классе его уже можно читать. Вы можете сами выбрать подходящую прозу. Это произведение было упомянуто лишь в качестве примера». 11.9.21

Один учитель сказал: «Я уже прочитал с детьми в 7-м классе басни Лафонтена. В некоторых с моралью не все в порядке». На это Рудольф Штейнер заметил:

«Это можно свести к шутке. Это басни, их так и следует воспринимать. А юмор можно добавить от себя самого. Различие в нравах может породить много недоразумений. Надо вжиться в ту среду. Если вы с Лафонтеном уже закончили, переходите к большим вещам в прозе. С этими детьми уже можно взять Минье».

Один из учителей спросил, хорошо ли после «Рождественских историй» взять «Бурю». Другой заметил, что «Бурю» у него на уроках читали по ролям. На это Штейнер сказал:

«Это настоящая педагогическая проблема. Многое зависит от того, как это делается. Материал уже освоен, ничего нового не проходится, но тем лучше, вероятно, дети могут проникнуться духом языка».

На вопрос, не стоит ли обратиться к коротким новеллам, Штейнер ответил:

«Это было бы хорошо для 13-14-летних детей. Однако это я и имел в виду, когда назвал Минье. Следует читать характерные вещи по-английски и по-французски». 14.1.22

По 8-му классу:

Учителю английского, который нашел, что «Рождественские истории» слишком трудны для 8-го класса, Рудольф Штейнер вразил:

«Уверяю вас: Диккенса вы могли бы читать с детьми, которые вообще почти ничего не могут. Опираясь на него, вы легче всего научите их тому, чему они должны теперь научиться. Можно разрешить эту проблему так: сначала познакомить детей с содержанием, а затем выбирать для чтения подходящие нетрудные места. Это преодолимые трудности. Такое чтение лучше всего именно для тех, кто ни на что не способен». 24.4.23

Из учебного плана от 2 июня 1924 года

7-й и 8-й классы:

«В 7-м классе все следует устроить с учетом того, что большая часть детей после 8-го класса покинет школу. В 7-м и 8-м классах основным должно быть чтение и работа над **характером языка** в предложении. Хорошо читать тексты о жизни народа, говорящего на данном языке. Пересказывая, упражняться в умении выражать свои мысли на иностранных языках. Переводить — только от случая к случаю. Полезно пересказывать драматические по характеру тексты. Пересказывать собственными словами лучше именно драматическое, а не лирическое или эпическое.

В 8-м классе рассматривать лишь элементы поэтики и метрики иностранных языков.

В двух этих последних классах дать совсем краткий обзор истории литературы данного языка». 2.6.24

По 9-му классу:

«В этом возрасте нужно много внимания уделять **рецитации**. Благодаря рецитации будет сделан еще один шаг в овладении языком. Следует объяснять **смысл оборотов** в рецитируемых текстах». 22.9.20

«История литературы не должна выходить за рамки того, чтобы по вполне конкретному поводу сказать что-то о Шекспире, а когда вы с детьми рассматриваете то или иное произведение, по ходу дела давать разъяснения — в большем объеме история литературы детям этого возраста не нужна». 15.11.20

На вопрос о чтении Жюля Верна Рудольф Штейнер сказал:

«Я ничего не имею против Жюля Верна, если вы дадите его так, чтобы дети не сделались фантазерами». 14.1.22

Из учебного плана от 2 июня 1924 года

9-й класс:

«Здесь нужно по-настоящему с юмором, постоянно обращаясь к юмористическим примерам, повторить грамматику. Таким образом, на примерах, за год можно пройти всю грамматику. Разумеется, именно в этом классе уместно также занимательное чтение». 2.6.24

По 10-му классу:

В связи с учебным планом открывавшегося 10-го класса Штейнер сказал о французском языке:

«Литература, культура. Я бы начал с Нового времени, а потом вернулся к более древним эпохам. То есть — в обратном порядке». 17.6.21

Затем, рассмотрев один вопрос насчет древних языков, он снова возвращается к французскому:

«Можно было бы читать «Сида» — и привести детей к пониманию французской классической поэзии. Мольера — позднее. Я бы предпочел не спешить от одного к другому. «Сида» можно пройти целиком. В течение года — прибавить еще что-то». 17.6.21

В тот же день учитель английского языка сообщил, что он разобрал с детьми всю предысторию того, о чем рассказывается в тексте, и Штейнер заметил:

«Это мы будем продолжать. Тут надо было попробовать, не смогут ли дети изложить рассказанное в связной последовательности, вроде самостоятельного сочинения... Мы перегружаем детей, если работаем неэкономно. Следует избегать потерь времени. Не нужно брать многое, словно у нас неограниченный запас времени. Так бывает у нас: слишком мы полагаемся на то, что у нас сколько угодно времени». 17.6.21

Учитель французского языка рассказал, что некоторые дети в 10-м классе выразили пожелание выделиться в особую группу, в связи с чем он хотел бы знать, читать ли с ними произведения целиком или в отрывках. Штейнер ответил:

«Конечно, можно дать дополнительное чтение. Следует читать связный текст, даже если вы читаете немного. Вы сами что-нибудь подобрали? Я имею в виду что-то короткое, что можно было бы закончить в $2\frac{1}{2}$ месяца. Может быть, лучше всего читать в этом классе что-нибудь биографическое. Есть очень приличная книжечка — «La vie de Moliere». 17.1.23

В связи с сообщением учителя английского языка о том, что он завершил чтение «Бури» и начал проходить отрывки из «Паломничества Чайльд Гарольда», Рудольф Штейнер сказал:

«Я предпочел бы читать что-то полностью. Подобрать чтение на английском нелегко. Как только с Шекспиром закончено, дело становится непростым. Неплохо было бы в 10-м классе читать Маколея. Все зависит от того — как. Это такой возраст, когда дети

должны учиться давать расширенные и подробные характеристики. Я полагаю, что в 11-м и 12-м классах хорошо было бы читать Карлейля и Эмерсона. Вальтера Скотта можно рекомендовать для самостоятельного чтения. Эмерсон и Карлейль — для чтения в классе. Биографические характеристики, например биография Лютера, — все это чрезвычайно полезно на 15-м году жизни. У Эмерсона очень краткие предложения». 17.1.23

На вопрос, читать ли на французском в 10-м классе Пуанкаре, Штейнер ответил:

«Есть одна достойная внимания опасность. В принципе что-то подобное делать можно, но не с Пуанкаре, у него слишком много фальшивого. А имея в виду тех учеников, которые собираются уходить из школы, может быть подыскать что-то такое, что на первый взгляд уводит их от действительности, но затем снова к ней приводит». 18.12.23

По 11-му классу:

При открытии 11-го класса 20 июня 1922 года учитель английского языка, упомянул, что в прошлом году в 10-м была прочитана «Буря». На это Рудольф Штейнер заметил:

«Было бы желательно, чтобы вы пошли дальше и завтра в диалогической форме побеседовали об этом произведении (неважно, много или мало помнят дети), чтобы они вынуждены были отвечать и двигались дальше! На французском следует сделать то же самое, читать прозу. Можно было бы читать И.Тэна «Истоки современной Франции». Также это могут быть размышления из области философии жизни, например «Путешествие в Италию». 20.6.22

С данным 17 января 1923 года указанием по преподаванию английского в 10-м классе, имеющим значение также и для 11-го класса, можно ознакомиться в разделе, посвященном 10-му классу.

В связи с тем что в 11-м классе читали «Уоррена Гастингса» Маколея, было сказано:

«Помимо прозы следовало бы читать и английскую лирику, например «Озерной школы». Потом — главу из Эмерсона с его скачущим афористическим стилем, например главы о Шекспире и Гете. Хорошо бы попытаться провести различие между афористическим и неафористическим. Это можно было бы обсудить. Его манера письма обусловлена тем, что он брал целую библиотеку и раскладывал вокруг себя. Он прогуливался по комнате и прочитывал по предложению — то там, то здесь, после писал фразу и продолжал ходить. Библиотека вдохновляла его. Можно обратить внимание на то, как он делает очередной скачок. Когда Ницше читал Эмерсона, он заключал некоторые пассажи в рамку. Потом нумеровал. Итак, лирика и Эмерсон». 18.12.23

По 11-му и 12-му классам:

По поводу чтения в 12-м классе прозы «Атенея» (английский журнал):

«“Атеней” — это плод редакционной работы. Не следует давать его учащимся в руки, лучше выбрать оттуда отдельные статьи. То же и в отношении 11-го класса. У нас в Германии уж не найти столь хорошо редактируемого журнала». 25.4.23

По 12-му классу:

«Что до английского, то в 12-м классе можно было бы взять «Гуманизм» Макензи». 18.12.23

В рамках первого учебного плана вальдорфской школы для 12-го класса от 30 апреля 1924 года:

«Затем — языки. Здесь те, кому это нужно, должны получить представление о современном состоянии английской и французской литературы».

Из учебного плана от 2 июня 1924 года

10-12-й классы:

«В 10-м классе дается метрика языка с упором на чтение поэзии.

В 11-м следует начать чтение драматических произведений, а также продолжать читать прозу и коснуться эстетики языка. На материале драматических произведений заниматься поэтикой, а в 12-м классе продолжать это на материале лирики и эпоса. В 12-м читать то, что относится к современности, обращая внимание на особенности языка. Знакомство с современной иноязычной литературой». 2.6.24

В завершение учебного плана от 2 июня 1924 года

«План будущего года должен быть гибким. Начиная что-либо читать, дети всегда заранее должны знать содержание вещи. В 4-5-м классах можно приступить к грамматике. Стремиться к тому, чтобы дети умели разговаривать. О работе с драматическими текстами в 7-м и 8-м классах надо сказать еще следующее. Например, из какой-либо мольеровской комедии выбирается большой фрагмент. Сначала необходимо с юмором познакомить детей с содержанием, по возможности подробно и в драматической форме, а затем уже прочитать отрывок.

В течение года мы сделали небольшие добавления к тому, что говорилось раньше. В принципе так все должно и оставаться. Письменные работы — лишь начиная с возраста, о котором было сказано в соответствующих курсах». 2.6.24

Указания по чтению на английском языке для трех старших классов находятся в стенограмме конференции от 19 июня 1924 года.

С почасовым планом преподавания языков можно ознакомиться в разделе «Цели и заботы», под заголовком «О новом распределении учеников по группам на уроках иностранного языка».

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ

ЛАТЫНЬ И ГРЕЧЕСКИЙ

С 5-го по 9-й класс — 4 часа в неделю на оба языка. Эти уроки посещаются всеми учениками, способными помимо новых языков изучить древние в объеме учебного плана вальдорфской школы. Решение принимает школа по согласованию с родителями. Начиная с 9-го класса, учащимся предоставляется выбор: будут ли они заниматься обоими новыми языками вместе с латинским либо обоими древними с французским. На каждый древний язык отводится тогда 3 часа в неделю.

Рудольф Штейнер не дал подробных указаний в отношении преподавания латинского и греческого языков в классах. Однако уже в *Лекциях по учебному плану от 1919 года* он рекомендовал перенять цели классической гимназии.

Впрочем, что касается методики, у Штейнера имеется столько важных указаний, что на их основании учитель может составить совершенно конкретную картину работы с древними языками.

Для начала некоторые выдержки из *Лекций по школьной педагогике*:

«Греки и римляне смогли создать у себя такое образование, которое коренилось в самой жизни и в силу этого их с жизнью связывало. Теперь, в годы нашего становления, ничто не связывает нас, современных людей, с нашей совершенно иной жизнью. Хотя множество людей приходит к ведущему, господствующему положению в обществе, изучая сегодня то, что изучали греки и римляне, они все же оказываются просто-напросто изолированными от жизни. Кроме того, это предметы, наиболее неэкономичные с точки зрения духовной. Сегодня мы пришли к такому моменту в развитии человечества (только люди об этом не знают), когда нет совершенно никакой необходимости получать специальное образование для того, чтобы выработать правильное отношение к античности. Уже давно воспринято нашим нынешним образованием все, что античность могла дать человечеству, и мы можем усвоить это без того, чтобы в течение многих лет нас

муштровали и заставляли жить в чуждой для нас атмосфере. То, что человеку следует воспринять от Греции и Рима, может быть еще дополнено и действительно было дополнено за последнее время. Однако это дело специалистов, и оно никак не связано со всеобщим образованием. То, что всеобщее образование усвоило от античности в результате духовной деятельности прошедших эпох, и сейчас очень живо. И сегодня уже не нужно учить греческий и латинский языки для погружения в античность. Это совершенно никому не нужно, и в важных вопросах никому не помогает» *Школьная педагогика, 1-я лекция*

В 13-й лекции *Методико-дидактического курса*, посвященной в особенности тому, каким образом вальдорфская школа, исходя из идеальной отправной точки своего учебного плана, может разумно вписаться в существующую в мире ситуацию, о преподавании латыни и греческого сказано следующее:

«Предположим, что ребенок, которого мы приняли в школу, уже изучал латынь и греческий. И вот я пытаюсь подвести детей к тому, чтобы они не только говорили по-латински и по-гречески, но чтобы они прислушивались друг к другу, когда один говорит по-латински, а другой по-гречески. Я стараюсь им показать различие между жизнью греков и римлян. Это мне не понадобилось бы в обычных обстоятельствах, само по себе это уже содержится в идеальном учебном плане. Однако с детьми, которые к нам приходят, это необходимо, потому что ребенок должен почувствовать: когда он говорит по-гречески, он говорит на самом деле лишь горланием и грудью; когда же он говорит по-латински, в нем, до некоторой степени, звучит весь человек». *Метод.-дидакт., 13-я лекция*

Там же можно найти сходные наблюдения в отношении французского и английского языков.

Как должно обстоять дело с древними языками в вальдорфской школе при нормальном преподавании, говорится в *Лекциях по учебному плану от 1919 года*:

«В 4-м классе, мы можем включить в учебный план **латинский язык**... Начинаются уроки латыни с того, что дети просто слушают,

что произносит учитель, а позже постепенно переходят к воспроизведению небольших диалогов. Но цели 1-го года обучения достигаются тем, что дети слушают. Преподавать латынь следует согласно указаниям, данным мною в лекциях по дидактике (9-й и 10-й), и в результате наш ученик закончит «среднюю школу» с такими знаниями по латинскому языку, которые соответствуют примерно 4-му и 5-му классам гимназии. Таким образом, нам в нашем 4-м классе необходимо достичь приблизительно того результата, который дает 1-й класс гимназии; в 5-м — результата 2-го класса гимназии; в 6-м — результата 3-го класса гимназии; и наконец, в наших 7-м и 8-м необходимо обучить тому, чему обучают в 4-м и 5-м гимназических классах». *Учебный план, 1-я лекция*

Здесь следует учитывать, что в 1919 году обусловленное Веймарской конституцией школьное законодательство еще не вступило в силу. Только на основании этого законодательства 4-й класс нашей школы стал соответствовать 4-му классу средней, 5-й — 1-му классу гимназии, 6-й — 2-му и т.д., а 8-й класс вальдорфской школы — 4-му гимназическому классу.

После замечания о новых языках Рудольф Штейнер сказал по поводу греческого:

«Для всех, кто пожелает этого, мы оставляем возможность в 6-м классе приступить к изучению греческого языка, причем мы действуем так, как было изложено в дидактической части. При обучении греческим буквам мы постараемся использовать рисование форм. Для тех, кто пожелает изучать греческий язык, будет чрезвычайно полезно на алфавите другого языка повторить то, что было когда-то проделано при переходе от рисования к письму». *Учебный план, 1-я лекция*

В обсуждении после 3-й лекции по учебному плану, Штейнер еще раз обратился к преподаванию древних языков. В записи мы читаем:

«С желающими с 4-го класса мы приступаем к **латыни**, а с 6-го — к **греческому**. Мы бы советовали несколько разгрузить в отношении немецкого языка тех, кто занимается латинским и греческим.

Это вполне возможно, поскольку многое из грамматики немецкого языка будет рассмотрено в курсе греческого и латинского. Можно экономить и во многих других отношениях. Методика преподавания древних языков должна строиться по тем же принципам, хотя в преподавании древних языков, за исключением того, о чем я сегодня уже говорил, в значительной степени можно пользоваться учебными планами государственных школ, ибо они восходят к лучшим педагогическим эпохам средневековья. В учебных планах постоянно переписывается то, что уже было сделано раньше, а это вовсе не разумно. Учебники же составлены так, что сегодня ими больше невозможно пользоваться, от нескладных мнемонических правил следует отказаться. На взгляд современного человека они выглядят несколько детскими, а перенесенные в немецкий, они слишком уж нескладны. В прочем же методика не так и плоха». *Учебный план, 1-я лекция*

Слова «за исключением того, о чем я уже сегодня говорил» относятся, по всей вероятности, к 1-й лекции по учебному плану, прочитанной 6 сентября 1919 года: «Начинаются уроки по латыни с того, что дети просто слушают, что произносит учитель... Цели первого года обучения достигаются только тем, что дети слушают». Это и есть исключение из правила, позволяющего в древних языках пользоваться учебными планами государственных школ. Ибо эти учебные планы полностью ориентированы на письменность и грамматику, что на деле означает обучение письму, но не устной речи.

Далее в хронологическом порядке даны указания, содержащиеся в материалах конференций и лекций.

На конференции 15 ноября 1920 года Штейнер сказал о методике, учебном плане по древним языкам в государственных школах и о положении с ними в вальдорфской школе следующее:

«Методика преподавания латыни и греческого в государственной школе — это нечто в высшей степени отвратительное, крайняя степень вырождения. Мы должны продвинуть своих детей настолько, чтобы впоследствии они могли присоединиться к детям других школ. Раз мы до определенной степени разработали наши методы, нам следует довести детей как раз до такой возможности. Наши

методы пока еще неумело применяются. Я думаю, что, когда удастся разрешить проблему дисциплины, вы достигнете большего совершенства. Ведь дети вас буквально через каждые пять минут сбивают». 15.11.20

Рудольф Штейнер считал, что очень важно предоставить детям в вальдорфских школах возможность изучать древние языки — чтобы определенное число классических филологов выходило именно отсюда. 16 июня 1921 года он на сетования одного учителя по поводу плохой посещаемости занятий по древним языкам ответил следующее:

«Если на занятии будет лишь один учащийся, с ним следует заниматься».

17 июня 1921 года, при утверждении плана для открывавшегося тогда 10-го класса, Рудольф Штейнер сказал:

«Мы должны давать столько греческого и латинского, сколько в наших силах. Речь не о том, чтобы вводить ущербные методы, бытующие в гимназии. Это нелепость. На латынь и греческий следует сделать несколько больший упор, на новые языки несколько меньший. В начальных классах продвинуться с новыми языками настолько, чтобы не было необходимости позже тратить на них слишком много времени. Перед нами стоит задача — открыть возможно большему числу учеников, что в идее чтения на древних языках содержится нечто прекрасное. Мне непонятно, почему молодые люди этого не желают. В старших классах — несколько больше часов на латынь с греческим». 17.6.21

В сентябре 1921 года Штейнер в устной форме сообщил первой учительнице по древним языкам, д-ру Марии Рёшль, основные положения учебного плана в этой области. Они приведены в конце настоящего раздела в том виде, в каком были тогда записаны по памяти.

15 марта 1922 года Рудольф Штейнер ответил на вопрос, не следует ли с самого начала заниматься латинским и греческим языками одновременно:

«Было бы правильно, идеально правильно, если бы мы начинали с греческого и потом, через два года, переходили к латинскому. Однако это трудно осуществить на практике. Тогда пришлось бы ради греческого отменить что-либо другое. Вот что мешает. Наш учебный план ориентирован на индивидуальность, на развитие, а здесь этого не получается. Латынь приходится вводить исходя из внешних обстоятельств». 15.3.22

Один из учителей спросил, как отобрать именнотех людей, кому это действительно нужно. На это Штейнер сказал:

«Разумеется, пока мы остаемся просто единичными школами, с этим ничего нельзя поделать. Только тогда, когда школы распространятся, можно будет производить отбор по особенностям характера и влиять на дальнейшую жизнь ребенка. Теперь 30% детей учатся у нас этим предметам — все еще слишком мало, чтобы мы могли на них ориентироваться в учебном плане. Все, что было нами включено в учебный план, — необходимо». 15.3.22

Таким образом, ничто не может быть исключено ради изучения древних языков.

28 апреля 1922 года на вопрос относительно перевода на древние языки Штейнер ответил:

«Можете переводить, ведь это не живые языки».

При разработке учебного плана для 11-го класса Штейнер сказал по поводу преподавания древних языков:

«Латынь и греческий в 11-м классе. Мы должны привести детей к тому, чтобы они при обсуждении текста получили нечто вроде взаимно проникающих друг друга теорий стиля и грамматики. Затем — сравнить греческий синтаксис с латинским. Это должно предшествовать литературно-исторической характеристике. Следует обращать внимание на этимологию слов. В случае древних языков нужно в большей степени привлекать этимологию. Тит Ливий — первой книги достаточно. По-гречески читать все, что угодно». 21.6.22

24 ноября 1922 года было решено, что, начиная с 9-го класса, будет введено частичное разветвление преподавания: сдающие экзамены за гимназический курс будут изучать латынь, греческий и французский, а тем, кто выбрал занятия новыми языками, будут преподаваться французский, английский и латынь. На эту тему см. в разделе «**О новом распределении учеников по группам на уроках иностранного языка**»; можно также справиться в разделе «**Вопросы расписания**».

2 июня 1924 года, после принятия учебного плана по новым иностранным языкам, Штейнер обратился к разработке детального учебного плана по латыни и греческому:

«Поскольку преподавание древних языков занимает у нас особое место, оно также должно иметь свой особый учебный план. Я разработаю детальный учебный план и представлю его вам». 2.6.24

Это замечание ясно показывает, что опыт, полученный после нескольких лет по преподаванию древних языков в вальдорфской школе, побудил Штейнера отказаться от гимназического учебного плана, которому, как первоначально предполагалось, нужно было следовать. К сожалению, ему так и не довелось исполнить намеченного.

Последнее указание в отношении преподавания древних языков дано в *Курсе Торки (августа 1924 года)*, где Рудольф Штейнер на вопрос, следует ли также и латынь с греческим преподавать «прямым методом», то есть без перевода, дал следующий ответ:

«Что касается латыни и греческого, то в этом отношении для них следует сделать исключение. Они непосредственно в жизни не используются, ведь они не являются живыми и присутствуют у нас лишь в качестве мертвых. Тем более что учить их с маленькими детьми невозможно, к ним приступают лишь в более позднем возрасте. Так что при изучении латыни и греческого метод обучения посредством перевода до определенной степени оправдан. Ведь дело не в том, чтобы беседовать по-латински и по-гречески, а в том, чтобы понимать древних авторов. Мы в основном и применяем эти языки для того, чтобы переводить» *Торки, ответы на вопросы*, 20.8.1924

Содержание одной беседы, по памяти воспроизведенной д-ром Марией Рёшль:

Рудольф Штейнер в сентябре 1921 года о преподавании латинского и греческого:

«Учебной целью должно быть овладение греческим и латинским в таком объеме, чтобы после окончания 12-го класса вальдорфской школы учащиеся были в состоянии сдавать экзамены на аттестат зрелости по этим языкам в других учебных заведениях.

Дети, выбравшие этот предмет, должны его воспринимать в качестве основного предмета, и, поскольку в старших классах они очень загружены, их иногда можно освобождать от других занятий — таких, как ручной труд и прочее.

Греческим следует заниматься не как отдельным предметом, но преподавать его совместно с латынью.

Учащиеся должны быть разделены на три ступени и заниматься по 4 часа в неделю (ср. ниже).

1-я ступень. Практическое вживание в иностранный язык, знакомство с грамматическими формами и особенностями на материале легкого чтения.

2-я ступень. Рассмотрение особенностей языка на уровне сознательного осмысливания, обсуждение грамматики.

3-я ступень. Углубление в дух языка, формирование чувства языка.

Особое внимание следует уделить психологическим особенностям языка (*testa* — голова; *pes* — нога; *virtus* — добродетель).

Избегать упражнений типа «я плыву, я приплыл»: за ними может скрываться фальшивь, ведь ребенок, возможно, не умеет плавать. В тех случаях, когда это все же необходимо, нужно заранее оговорить вымысел, например, так: давайте представим, что все мы умеем плавать; как тогда мы скажем: «я приплыл»? Или: представим себе сад с цветами; как мы скажем: «роза цветет»?

Для чтения следует использовать исключительно подлинные тексты латинских и греческих авторов, а не сборники упражнений, в которых тексты составлены издателем. Выбор, однако, не должен ограничиваться только писателями классического времени. Особенно на последней ступени должны быть включены средневековые и более поздние писатели и поэты, например Эразм Роттердамский, Якоб Бальде и др.

На мой вопрос, является ли преподавание латинского и греческого вообще чем-то желательным в программе обучения, д-р Штейнер ответил, что, поскольку римская традиция вплетена в нашу культурную жизнь и, оставаясь в неведении, от ее вредоносных влияний защититься невозможно, постольку следует их понять и надлежащим образом воспринять. Поэтому желательно, чтобы были люди, которые изучают латынь. Греческий важен потому, что с его помощью современным людям сообщаются такие представления, которыми невозможно овладеть исходя лишь из нового языка; например, слово «идея», которое употребляется теперь в ином, неверном смысле. Только благодаря знакомству с греческим языком человек приобретает ощущение того, что на самом деле «идея» — это то, что можно видеть, то есть понятие, которое еще и созерцается. Поэтому особенно желательно, чтобы дети учили этот язык.

В завершение приведем то, что рассказала учительница древних языков Верена Гильдемайстер о своем первом разговоре с Рудольфом Штейнером. Время этого разговора, к сожалению, неизвестно.

«В продолжительной беседе, которую провел со мной д-р Штейнер прежде, чем доверить мне преподавание древних языков, он сказал между прочим, что оставляет полностью на мое усмотрение, преподавать ли синтаксис систематически или только по ходу чтения, когда это необходимо для понимания текста. В принципе он желал, чтобы исходным всегда был иностранный язык, а не немецкий и совершенно отвергал перевод заранее заготовленных немецких предложений или текстов на иностранные языки. Однако он полностью принимал, что ученики, сделавшие успехи и уже освоившиеся с языком, выполняют иногда переводы из оригинальных немецких авторов или легкой греческой прозы на латынь. Разумеется, для учащихся это чрезвычайно трудно, однако инте-

ресно, а от учителя требует больших навыков и уверенного владения латинским языком. В остальном, сказал д-р Штейнер, я могу спокойно опираться на гимназическую методику».

СТЕНОГРАФИЯ

В 9-м и 10-м классах — 2 часа еженедельно.

Прежде всего рекомендуем прочитать о стенографии в *10-й лекции Методико-дидактического курса*, который, разумеется, должен быть в руках у всех учителей вальдорфских школ. В ней Рудольф Штейнер рисует такую «немыслимую» картину: могли ли представить себе в Древней Греции, подле рапсода, который декламирует что-то из гомеровских поэм, стенографа, пытающегося это зафиксировать?

При составлении учебного плана 10-го класса в начале лета 1921 года, указав на необходимость работать экономно, Штейнер сказал:

«Возникает вопрос: включаем ли мы принципиально стенографию в наш план. Желаем ли мы 2 часа в неделю употребить на стенографию в 10-м классе? И какова должна быть система? Габельсбергера? Здесь как раз проходит граница, здесь, как и в Баварии, Габельсбергер преобладает. Как мне представляется, Габельсбергер действует на дух омертвляюще в минимальной степени. Какое было бы счастье, если бы стенографию не изобрели. Но поскольку она существует, без нее не обойтись, точно так же, как и без телефона. Итак, Габельсбергер, 2 часа стенографии». *17.6.21*

Через месяц, когда в преподавании стенографии был приобретен первый опыт, Штейнер заметил:

«То, что вообще приходится учить стенографии, — это варварство, вершина арманизма. Было бы идеально изучать стенографию во сне. Но раз это невозможно, чрезвычайно важно, чтобы она прошла неприметно, чтобы на ней не концентрировались. Это нелепость в области культуры, что вообще приходится стенографировать». *16.11.21*

При утверждении основных положений новой редакции *почасового плана* 28 октября 1922 года на вопрос, должна ли **стенография быть обязательным предметом**, Штейнер сказал:

«Многие аргументы свидетельствуют за то, что она должна быть обязательной. Это предмет, который, собственно, начнется только в 10-м классе. Давайте сделаем так, чтобы в качестве обязательного предмета стенография преподавалась 1 час в неделю после обеда. Очень даже хорошо, если дети учат стенографию». *28.10.22*

Говоря о введенном тогда новом почасовом плане *9 декабря 1922 года*, на просьбу учителя стенографии сделать ее факультативом, Штейнер ответил:

«Было бы жаль. Когда мы начинаем преподавание? В 10-м классе. Не понимаю, почему они не захотят этому учиться».

И затем уже серьезно:

«О многом потому и высказываются такие излишне резкие суждения, что зачастую мы сами не сознаем, что у нас другой метод обучения и иной учебный план, нежели в других школах».

Возвращаясь к началу, Рудольф Штейнер сказал:

«К сожалению, я не смог присутствовать, так что я не знаком с той методикой, которую вы применяете. Но как вы объясняете стенографию детям?»

Учитель ответил, что он прочитал лекцию об историческом развитии стенографии и затем изложил систему гласных, Штейнер заметил:

«Это достаточно интересно, если вы даете детям одновременно звуки и стенографические значки. Возникающие трудности нам необходимо преодолеть. Что значит это «нежелание» детей?»

Одна ученица, пояснил учитель, не считает нужным изучить стенографию и желает заниматься только искусством. Вот ответ Штейнера:

«Тут одно должно было бы поддерживать другое. Вопроса «Зачем мне нужно то или иное?» вообще не должно возникать. Имеющие воспитательное значение предметы преподаются так, что доста-

точно лишь сказать ученику: «Послушай, раз ты хочешь стать художником, тебе надо многое уметь. Не думай, что можно стать просто художником. Для этого нужно изучить много такого, что напрямую с искусством не связано. И, как художник, ты как раз можешь попасть в такое положение, когда стенография тебе очень даже понадобится. Был такой поэт, Хамерлинг, так он говорил, что вообще ничего бы не смог написать, если бы не знал стенографии». Мы должны так построить наше воспитание, чтобы стоило учителю что-то сказать — и это тут же действовало бы. Вот что нам по настояющему необходимо. Стенографию мы начинаем в 10-м классе. И дети должны быть настолько продвинутыми, настолько понимающими, чтобы не говорить: а на что мне это в жизни?»

На замечание того же учителя, что некоторые учащиеся уже занимались по системе Штольце—Шрея, Штейнер сказал:

«Это настоящий раскол, и, если окажется достаточно большое количество таких учеников, которые пожелают учиться по Штольце—Шрею, нам придется для них устраивать особое преподавание». 9.12.22

Обсуждение учебного плана по новым иностранным языкам 2 июня 1924 года Штейнер завершил ответом на вопрос относительно затруднений со стенографией у вновь поступающих учащихся:

«В таком случае нам остается только одно — позволить стенографии быть необязательной. Теперь мы с ней обходимся как с чем-то таким, чем дети обязаны заниматься. Но представьте себе: в 11-й класс поступает ученик, естествознание у которого во всех предшествующих классах вел католик. И вот он к нам приходит и говорит: я желаю изучать естествознание только по-католически. Но мы же не сможем его в этом случае освободить от наших занятий. Мы изучаем наилучшую систему — Габельсбергера, и стенография у нас обязательна, поскольку в настоящий момент это необходимо для воспитания. Я не думаю, чтобы тут была предвзятость. Это единственная система, в которой имеется внутренняя необходимость. Все прочие надуманы и искусственны. Следовало бы поразмыслить о том, чтобы переместить этот предмет в младшие классы». 2.6.24

Это последнее известное нам высказывание Рудольфа Штейнера в отношении преподавания стенографии. Перемещение начала преподавания стенографии в 9-й класс было устроено еще им самим.